

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Т. И. Султанов

**«СЕМЬ УСТАНОВЛЕНИЙ» — ПАМЯТНИК ПРАВА КАЗАХОВ
XVII в.**

«Каждая форма производства, — писал К. Маркс, — порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» [1, с. 714]. Действительно, для изучения общественного строя любого общества первостепенное значение имеют законодательные памятники, юридически фиксирующие сложившиеся в обществе отношения. Возникнув на определенной ступени развития общества, они выражают конкретные общественно-экономические и правовые отношения и несут на себе отпечаток своего времени.

В истории права казахов периода Казахского ханства известен только один законодательный памятник, называемый самими казахами *Жети Жаргы* («Семь установлений»). В научной литературе этот памятник права именуется также «Уложением хана Тауке» и «Законами хана Тауке».

Жети Жаргы дошло до нас лишь в поздних записях русских ученых и известен в двух редакциях, отличающихся вариациями текста и неодинаковым количеством и порядком статей. Одиннадцать фрагментов этого «Уложения», записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника» [25, с. 185—188]. Текст второй редакции *Жети Жаргы* приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов Ал. Левшина [17, с. 170—178]. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Уложения») запись Ал. Левшина не представляет *Жети Жаргы* в первоначальном его виде. Ал. Левшин записал «Уложение хана Тауке» более чем через сто лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности его передачи. У самих казахов *Жети Жаргы* не был нигде записан. При устной передаче из поколения в поколение «Уложение», проходя через годы и десятилетия, претерпевало определенные изменения.

История изучения *Жети Жаргы* также имеет давнюю традицию: некоторые соображения о времени составления и общем характере «Уложения» были высказаны уже Г. Спасским и Ал. Левшиным. В дальнейшем к *Жети Жаргы* обращались, исключительно по записи Ал. Левшина, многие исследователи правовых обычаев и истории казахов [2, с. 115—129; 6, с. 116—119; 8, с. 24; 10, с. 154—

158; 11, с. 3—8; 13, с. 489—490; 14, с. 175—177; 15, с. 19—22; 18, с. 243—248; 24, с. 42—63]. Последней по времени работой, специально посвященной этому памятнику, является небольшая по объему статья на казахском языке академика АН Казахской ССР С. Зиманова и арабиста Н. Усерова, в которой основное место отведено вопросам этимологии словосочетания *Жети Жаргы* [12, с. 65—70].

В настоящей статье мы изложим некоторые замечания о времени и побудительных причинах составления *Жети Жаргы* и рассмотрим состав этого памятника права казахов.

Мы не располагаем точными сведениями о том, кто был автором (авторами) этого «Уложения» или инициатором (инициаторами) его составления. Со ссылкой на предания, творцом *Жети Жаргы* принято называть хана Тауке (ум. в 1718 г.). Он будто бы собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Улу жуза, Казбек-бия из Орта жуза, Айтек-бия из Кипи жуза — и, обсудив с ними «случавшиеся между киргизами частые ссоры», составил и утвердил эти законоположения [25, с. 185—186]. Согласно другому преданию, Тауке-хан собрал на урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская обл.) семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Ишима» в новые обычаи, называемые «Жети Жаргы» [8, с. 24; 24, с. 43].

Упоминание здесь имен ханов Тауке, Касыма и Ишима, видимо, не лишено основания. Инициатива составления *Жети Жаргы*, несомненно, должна была исходить от Тауке-хана. Время его правления приходится на один из самых трудных периодов в истории казахского народа, когда возникла острая необходимость выработки новых норм, способных заменить часто нарушаемый обычай точным законом, уложенным в твердые рамки, в обязательные для всех членов общества правила¹. С другой стороны, *Жети Жаргы* как правовой памятник, очевидно, нельзя считать чем-то совершенно новым, характерным для времени Тауке-хана: в этом «Уложении», разумеется, нашли свое отражение и традиционные нормы обычного права, бытовавшие в степи в более раннюю эпоху. Вместе с тем можно предполагать, что и прежде наряду с осященными временем обычаями племен в Казахском ханстве действовали неписанные узаконения, законоположения, постановления других ханов, которыми могли быть и Касым и Ишим, что, видимо, и отразилось в памяти народа [8, с. 24—26].

Трудно сказать что-либо определенное и конкретное об источниках «Уложения хана Тауке». Одни авторы, утверждая, что у казахов «до позднейшего времени сохранились во всей чистоте правовые обычаи и порядки, при каких они жили еще в эпоху монгольской зависимости», настаивают на том, что *Жети Жаргы* — это результат заимствования «порядков, развитых „великой ясой“ Чингиса» [18, с. 244—245; 10, с. 154]. Однако содержание текста ясы Чингисхана не было известно не только казахам, но, видимо, и самим монголам XVII в. [7, с. 10]. Другие авторы высказывают

¹ Подробно об этом см. ниже.

прямо противоположное мнение — о полной независимости *Жети Жаргы* от ясы. Но поскольку яса представляла из себя не что иное, как продукт обычного права [3, с. 89; 4, с. 22—39; 5; 23], а обычное право XIII и XVII вв. имело, несомненно, много общего [9, с. 389], то, естественно, традиционные нормы народного обычая, вошедшие в свое время в состав ясы Чингисхана и не потерявшие смысла в условиях казахского общества времен Тауке-хана, были приняты составителями *Жети Жаргы* как норма их обычного права, как требование, соответствующее их интересам.

Таким образом, в качестве источников *Жети Жаргы* следует признать не древние письменные тексты, а старый, всем знакомый и всеми признаваемый свод обычного права (служивший основой ясы Чингисхана), а также неписанные узаконения других казахских ханов, предшественников Тауке. Вместе с тем в него вошли постановления, вызванные потребностями военно-политической и социальной жизни казахского общества за период, предшествовавший принятию «Уложения».

В научной литературе нет единого мнения о времени составления *Жети Жаргы*: без особой аргументации одни авторы относили его ко второй половине XVII в. [10, с. 154—155; 26, с. 344], а другие — к началу XVIII в. [14, с. 176; 21, с. 3]. Наиболее приемлемым нам кажется первое мнение, высказанное еще Г. Спасским. Можно даже утверждать, что создание *Жети Жаргы* имело место в 70-х годах XVII в. после принятия ойратами второго варианта уложения *Цааджин-Бичик* и явилось ответным действием Тауке-хана и его окружения на решение сейма джунгарских тайш и законодательную инициативу Галдан-хунтайджия.

Переход в конце XVI в. в руки казахов Ташкента и г. Туркестана, стремление Аштарханидов вытеснить казахских владетелей из этих городов, с одной стороны, и близкое соседство иноплеменного врага в лице калмаков — с другой, поставили Казахское ханство в XVII в. в положение, которое делало его похожим на осажденный лагерь. Если при этом войны с Аштарханидами велись прежде всего за господство над городами и шли с переменным успехом, то на юго-востоке продолжалась изнурительная война с сильным противником из-за обладания кочевьями. В этой войне, принимавшей все более ожесточенный характер по мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли, казахские владетели все чаще терпели неудачи, а отдельные успехи даже в крупных сражениях не могли существенно повлиять на общие результаты, следствием чего явилась потеря казахами значительной части своих кочевий. Это вызывало, в свою очередь, внутренние неурядицы, и прежде всего борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникшие междоусобия создавали условия и предпосылки для нарушения традиционного обычая и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни. Это, в свою очередь, должно было вызвать обратную реакцию — стремление к законодательному урегулированию распатавшихся общественных устоев, поскольку только на этом пути была возможна полная мобилизация сил для общей обо-

роны от внешнего, более сильного врага — калмаков, война с которыми была неизбежной.

Однако военно-политическая ситуация Казахского ханства в середине XVII в. не является единственной причиной появления *Жети Жаргы*. Важную роль в создании «Уложения» сыграло определившее его характер стремление приспособить существовавшие нормы обычного права к новым потребностям феодализирующегося казахского общества, заменить устаревшие нормы новыми, которые соответствовали бы интересам феодальной знати. Во всяком случае, такое заключение можно сделать на основании многих положений *Жети Жаргы*.

Таким образом, в «Уложении хана Тауке» были зафиксированы те социальные и правовые нормы, посредством которых индивид включался в общественную структуру ханства. Совокупность норм и обычаев, а также разрешаемых с их помощью конфликтов и спорных ситуаций в жизни казахов XVII в. и составила «Уложение хана Тауке». Нам же оно известно по преданиям как законодательная инициатива Тауке-хана и его ближайшего окружения.

Анализ «Уложения хана Тауке» затруднителен еще и по следующим причинам. Во-первых, оно известно нам не целиком, а лишь в отрывочных записях-пересказах. Во-вторых, дошедшие до нас тексты «Уложения» представляют собой результат языковой транспозиции: известные ныне варианты *Жети Жаргы* зафиксированы на русском языке, т. е. на языке, на котором создатели этого свода не говорили и не думали. Это имеет свои отрицательные стороны: чужой язык скрывает оттенки мысли; социальная, правовая и иная терминология источника не отражает точно понятий, употреблявшихся в казахском обществе XVII в., и т. п.

Состав *Жети Жаргы*, несмотря на его фрагментарность, довольно разнообразен. Он содержит нормы административного, уголовного, гражданского права, а также положения о налогах, религии и др., охватывая, таким образом, разные стороны жизни казахского общества.

Верховная власть, по *Жети Жаргы*, была сосредоточена в руках хана. Он судил и наказывал за преступления и проступки, разбирал иски, издавал обязательные распоряжения с целью поддержания общественного порядка, а также устанавливал порядок налогообложения. Однако хан не был единственным носителем власти. Ему, верховному сюзерену, приходилось делить ее с султанами и биями, сосредоточившими в своих руках власть над улусными и родовыми людьми и управление ими. Общегосударственные дела также находились в ведении феодальной знати. В одном из пунктов «Уложения» об участии султанов и родо-племенных старейшин в управлении ханством, в частности, говорилось: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине стечи, для рассуждения о делах народных»².

² Здесь и далее ссылки на статьи *Жети Жаргы* в основном тексте даются по книге Ал. Левшина, т. е. по второй редакции [17, с. 170—178].

При этом ни один человек не должен был являться на «народные собрания»³ иначе как с оружием. Это требование было настолько строгим, что явившийся на курултай безоружным не имел права голоса и младшие в нарушение всех обычаев могли не уступать ему места.

В *Жети Жаргы* узаконивалось регулярное налогообложение боеспособной части населения казахских улусов в пользу хана и биев. Предпоследний пункт «Уложения» гласит: «Чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно».

Все казахские племена, роды и поколения должны были иметь свою собственную тамгу. По записи Ал. Левшина, тамги эти тогда же и были розданы «с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество для различения, что кому принадлежит».

Как и в других правовых памятниках эпохи средневековья, основное место в *Жети Жаргы* отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно «Уложению», в перечень преступных действий включались: 1) убийство; 2) увечье; 3) изнасилование; 4) побои; 5) воровство; 6) оскорбление; 7) несоблюдение правил сыновней почтительности; 8) прелюбодеяние; 9) кровосмешение.

Таким образом, в *Жети Жаргы* предусматривалась ответственность за преступления против личности, за нарушение прав собственности, семейного права и нравственности. Следует отметить, что политические и должностные преступления в статьях *Жети Жаргы* не названы.

За совершение действий, квалифицируемых как преступные, виновные подвергались различным видам наказаний. В *Жети Жаргы* сохранялся принцип талиона: «за кровь мстить кровью, за увечье — таким же увечьем». Впрочем, этот принцип уже потерял свою прежнюю непреложность. «Наказания могут быть смягчаемы по приговору судей или по согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою». Возможность откупа, однако, представлялась не всегда, и в четырех случаях узаконивалась смертная казнь⁴: 1) если жена умертвит мужа и родственники не простят ее; 2) если «женщина умертвит от стыда младенца, незаконно прижитого»; 3) если муж становится свидетелем акта прелюбодеяния своей жены; 4) если установлен факт богохульства⁵.

Смертная казнь была двух видов: удушение и побивание камнями (за богохульство) (см. [21, с. 20—22]).

³ О регулярных осенних собраниях казахов см. [2, с. 121—122].

⁴ Яса Чингисхана, наоборот, как бы вся насквозь пропитана суровым духом, признававшим смертную казнь чуть ли не единственной мерой борьбы с преступностью, даже с простой человеческой халатностью и неосторожностью, возводимыми ясой в ранг преступления [4, с. 27—32; 5, с. 40—50].

⁵ В первой редакции *Жети Жаргы* по этому поводу содержится только одна статья, которая гласит: «Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или доказан будет четырьмя свидетелями, для страха другим убивали» [25, с. 187].

Самым распространенным видом наказания был кун (возмещение). С согласия истцов даже убийца мог таким образом сохранить себе жизнь. Размер куна, варьируемый в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего (знатный — незнатный, господин — раб и т. п.), свидетельствует о классовом характере *Жети Жаргы*. Так, за каждого убитого рядового кочевника убийца платил его родственникам «1000 баранов»⁶, за женщину — 500, а за убийство султана или ходжи кун взимался в семикратном размере. Стоимость раба приравнялась к стоимости беркута или охотничьей собаки.

За членовредительство, побои и оскорбление словами также платили определенным количеством скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец — 20 и т. д.⁷; обида султана или ходжи словами наказывалась пеней в «9 скотин», а за побои взыскивалось «27 скотин»⁸.

В *Жети Жаргы* есть также правило на тот случай, когда следствием ушиба женщины будет рождение мертвого ребенка: «Если женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого младенца, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев за каждый месяц — по одной лошади; а за младенца от 5-ти до 9 месяцев за каждый месяц — по одному верблюду»⁹.

При совершении кражи учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину «трижды девять (27) раз украденное»¹⁰. Если был украден скот, то «виновный должен придать к верблюдам одного пленного¹¹, к лошадям — одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овец». При этом лошади и скот, бывшие в чужих руках, взыскивались с приплодом, кроме скота, угнанного во время баранты. Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства¹².

⁶ По первой редакции *Жети Жаргы*, «за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника» [25, с. 186].

⁷ По ойратскому уложению, «кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка и пять [скотин]; за лишение среднего пальца взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять [скотин], за мизинец взять три [скотины]» [7, с. 46].

⁸ По ойратскому уложению, «кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей или табунангов, с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей или табунангов, с того взять пять [скотин], если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка» [7, с. 39].

⁹ По ойратскому уложению, «кто будет причиной выкидыша дитяти, с того взять столько девятков, сколько месяцев было [выкидышу]» [7, с. 50].

¹⁰ Счет по девяткам встречается и в ясе, и в ойратском уложении [4, с. 32; 7, с. 39—40 и др.].

¹¹ По первой редакции *Жети Жаргы* — «одного слугу» [25, с. 186].

¹² Согласно повелению Галдан-хунтайджия, судьи должны были выделять определенную часть возмещения «на двор [князя]»; невыполнение этого влекло за собой штраф в двукратном размере [7, с. 59].

Кроме смертной казни и материальной компенсации в *Жети Жаргы* предусматривались еще три вида наказания: конфискация имущества, ostrакизм и предание публичному позору. Первый вид наказания применялся по отношению к людям, принявшим христианскую религию; второй — к беременным женщинам за убийство своих мужей; третий — за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избивание родителей)¹³. В последнем случае виновника сажали на черную корову лицом к хвосту с навязанным на шею старым войлоком, корову водили по аулам, виновного при этом стегали плетью.

Совершение двух преступлений одновременно (воровство и убийство) влекло за собой простое суммирование наказаний, и виновник нес ответственность за два преступления.

Изнасилование приравнивалось к убийству. Но женитьба на изнасилованной девушке и уплата за нее соответствующего калыма избавляли преступника как от смертной казни, так и от возмещения¹⁴.

По *Жети Жаргы*, уголовная ответственность обычно распространялась лишь на непосредственного виновника. Но тем не менее сохранялся принцип коллективной ответственности родственной группы (ближайшие родственники, сородичи, свойственники и т. п.) за своего члена, и если, например, ответчик к суду не являлся или не мог заплатить положенного куна, то пеня взыскивалась с его родственников или с его «аула». В таком случае сородичам и жителям «аула» предоставлялось право поступать с ответчиком по своему усмотрению.

Нормы гражданского права не получили в *Жети Жаргы* достаточной разработки. Это объясняется, вероятно, не только и даже не столько фрагментарностью существующих текстов *Жети Жаргы*, сколько тем обстоятельством, что многие отношения между согражданами регулировались господствовавшими в обществе нормами обычного права, и потому «Уложение хана Тауке» их касалось лишь отчасти.

Субъектом права признавались только свободные: раб не признавался юридическим лицом. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит один из пунктов «Уложения». За владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежавшего ему раба¹⁵. Но личная свобода, которой обладала основная масса казахского общества, не всегда представляла собой юридическое полноправие, и в ряде случаев ущемлялись права и свободных лиц, в первую очередь это касалось женщин. Так, женщины, «равно как работницы, слуги и рабы», не могли выступать на суде в ка-

¹³ Небезынтересно отметить, что за избивание отца или матери *Цааджин-Бичик* предусматривал материальную компенсацию в размере «трех девятков голов скота» [7, с. 41].

¹⁴ Ойратским уложением за изнасилование девушки устанавливался штраф в размере «двух девятков голов скота» [7, с. 49].

¹⁵ По ойратскому уложению, «кто убьет своего раба, с того взять пять девятков; кто убьет рабыню, с того взять три девятка» [7, с. 41].

честве свидетелей. Полноправным юридическим лицом был только лично-свободный, «могущий носить оружие» мужчина — хозяин дома, глава семьи. При этом права, которыми обладал или которых был лишен каждый свободный мужчина, устанавливались в прямой зависимости от его социального статуса в обществе (происхождение, родословие и т. п.).

В *Жети Жаргы* вошли также некоторые установления шариата, предусматривавшие, в частности, меры защиты ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство.

В области семейно-брачных отношений утверждалось право родительской власти над жизнью своих детей, закреплялось неравноправное положение женщины в семье. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются», — гласил закон. Дети же, напротив, за всякое нарушение сыновней почтительности подвергались различным наказаниям: дочь — воздаянию по произволу матери, сын — публичному позору. Жена и дети, знавшие о преступлении мужа или отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию, «ибо на старшего в семействе не позволено доносить». Мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее оставить у себя, уплатив мужу калым и дав ему, кроме того, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которой можно было избежать, выплатив кун¹⁶.

В вопросах наследственного права *Жети Жаргы* подтверждало, по-видимому, нормы обычного права. После смерти отдельно проживавшего бездетного сына его имущество поступало к отцу. После смерти родителей малолетних детей отдавали в опеку ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия — «посторонним надежным людям».

Одним из пунктов «Уложения» предусматривалось наследование по «духовному завещанию», которое делалось при родственниках и муллах, что можно, видимо, рассматривать уже как отклонение от обычного права.

Право творить суд признавалось только за ханом и биями-родоначальниками: «Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников». Судьям и посредникам за решение дела в качестве судебной пошлины (*бийлик*) полагалось отдавать десятую часть возмещения. При обвинении в преступлении без очевидных улик требовалось от двух до семи свидетелей (например, четыре — для обвинения женщины в супружеской неверности, семь — для обвинения в богохульстве

¹⁶ По *Цааджин-Бичик*, «кто подговорит [с собою] к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит [с собою] к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девятков с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе» [7, с. 56].

и т. п.). В случае отсутствия свидетелей требовалась присяга¹⁷, но давать таковую ни истец, ни ответчик сами за себя не могли, и за них должны были присягать люди, известные своей честностью. При этом за обвиняемым сохранялось право, если он имел «подозрение на суде», просить замены судейского состава.

Привести в исполнение судебный приговор должна была сама выигравшая тяжбу сторона. Этот способ, порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводил на деле к тому, что баранта (насильственный угон скота)¹⁸, нередко оканчивавшаяся побоищем со смертными случаями, рассматривалась *Жети Жаргы* не как акт самоуправства, а как правомерное явление жизни казахского общества того времени: «Если осужденный не исполняет приговора суда или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право с позволения своего старейшины произвести баранту, т. е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску» [17, с. 176]. Из этого пункта «Уложения» также следует, что судебная и административная власть на местах не были строго отделены друг от друга и бий представлял в своем лице и родоначальника, и судью, и представителя административной власти на местах.

В тех случаях, когда дело касалось семейных конфликтов, правом наказывать по своему произволу (в порядке осуществления норм обычного права) пользовались: хозяин — в отношении раба, мать — в отношении дочери, муж — в отношении жены. Наказание за кровосмешение назначалось по приговору семейства, «ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям».

Характер расследований преступлений и судебных процессов в *Жети Жаргы* не отражен совсем. О том, что судебный процесс носил публичный характер, можно судить по другим источникам.

Таково основное содержание дошедших до нас текстов *Жети Жаргы*. Как видно из его состава, основная направленность «Уложения хана Тауке» — соблюдение привилегий казахской феодальной верхушки, защита прав собственности и порядков, господствовавших в патриархальной семье, поддержка мусульманской религии. Судя по тому, что в составлении (или принятии) *Жети Жаргы* участвовали представители всех трех казахских жузов, можно заключить, что зафиксированная в нем совокупность правовых норм территориально действовала не только в отдельных жузах, но в пределах всего Казахского ханства.

Период действия *Жети Жаргы* нам в точности неизвестен. По мнению М. Красовского, повторенному рядом исследователей [11, с. 7],

¹⁷ О церемонии присяги см. [11, с. 6; 19, с. 74—75].

¹⁸ О баранте (по-казахски *барымта*) см. [8, с. 170—171; 22, с. 30—36].

Жети Жаргы имело силу, «да и то условно-обязательную», только при жизни хана Тауке [20, ч. 1, с. 53]. Согласно другому мнению, «Уложение хана Тауке» сохраняло действительную силу и при правлении Абулхайр-хана, т. е. до середины XVIII в. (см. [25, с. 188—189]). Как считает Т. М. Культелеев, «Уложение хана Тауке является юридическим памятником казахского обычного права, главным образом действовавшим до начала XIX века» [16, с. 90].

При постановке вопроса о периоде действия *Жети Жаргы* следует учитывать и тот факт, что «Уложением хана Тауке» не регламентировались, разумеется, все обычно-правовые нормы, действовавшие среди казахского населения, и наряду с *Жети Жаргы* на практике применялись и традиционное право, и новые правовые нормы, возникавшие исподволь, неприметно, приспосабливаясь к насущным потребностям времени.

Представляется очевидным, что определение периода действия *Жети Жаргы* неразрывно связано с проблемой разделения традиционного, нового и того, что из действовавших в XVIII—начале XIX в. правовых норм, не зафиксированных в известных нам записях «Уложения хана Тауке», безусловно принадлежит *Жети Жаргы*. Однако это едва ли можно полностью осуществить, опираясь лишь на имеющиеся фрагментарные записи «Уложения хана Тауке» и не привлекая дополнительных данных историко-этнографического характера.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
2. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. А.-А., 1948.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
4. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863.
5. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис Хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Брюссель, 1939.
6. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. С древнейших времен по 1870. М., 1941.
7. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даше. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.
8. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Таш., 1889.
9. Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах. — Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
10. Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия. — ИОАИЭЖ. Т. 20. Вып. 4—5. Казань, 1904.
11. Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.
12. Зиманов С., Эсеров Н. «Жеті—Жаргы» туралы бірер сөз. — «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1975, № 4.
13. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1967.
14. История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.

15. Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Оренбург, 1898.
16. Культеев Т. М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). А.-А., 1955.
17. Левшин А. л. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832.
18. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древнейший монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.
19. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск, 1886.
20. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргиз. Составил полковник генштаба Красовский. Ч. 1—2. СПб., 1869.
21. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. А.-А., 1948.
22. Мякутин А. л. И. Юридический быт киргизов. I. Вещное право. II. Обязательственное право. Оренбург, 1910.
23. Рязановский В. А. Великая Яса Чингиз-хана. — «Известия Харбинского юридического факультета». Т. 10. Харбин, 1933.
24. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. — ТОУАК. Вып. 15, 1905.
25. Спасский Г. Киргиз-Кайсаки Большой, Средней и Малой орды. — «Сибирский вестник». Ч. 9. СПб., 1820.
26. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.